

Александр Грин

Убийца

Александр Степанович Грин

Убийца

Аннотация

«Пискун шел через Солдатский базар, спотыкаясь в кромешной тьме среди низких, покосившихся лавчонок, шлепая по осенним лужам и на ощупь, левой рукой подсчитывая мелочь, лежавшую в пиджачном кармане. Ужин, ночлег и водка были, пожалуй, обеспечены...»

Рассказ также выходил под названием «Страшный злодей».

Александр Грин

Убийца

I

Пискун шел через Солдатский базар, спотыкаясь в крошечной тьме среди низких, покосившихся лавчонок, шлепая по осенним лужам и на ощупь, левой рукой подсчитывая мелочь, лежавшую в пиджачном кармане. Ужин, ночлег и водка были, пожалуй, обеспечены.

Неудачник во всем, он пользовался симпатиями духанщиков и женщин только в те редкие дни, когда деньги оттягивали карманы, а глотка кричала во весь трактир: «Вина!» В обществе карманщиков и громил он слыл человеком, общение с которым может повести к неудачам – аресту или карточному проигрышу. Специальностью его было облегчение чужих карманов, и Пискун часто ходил в церковь, с трогательным усердием распластываясь ниц между старичков и старушек, подпевал ирмосам и ставил свечи угодникам, не забывая потереться вплотную около шуб и салопов с соблазнительно оттопыренной поверхностью. И судьба, ревнивая к своим избранникам, как мачеха к родным детям, безжалостно подсовывала Пискуну протертые кошельки с пуговицами и театральными билетами, кожаные кисеты, сломанные или деше-

вые часы. Еще хуже бывали моменты неуверенности в себе, отсутствия ловкости и изобретательности, досадных помех – как раз тогда, когда случай дразнил возможностью «свистнуть» ценный бумажник, полный банковых билетов.

Товарищи презирали его, и презрение это, чрезвычайно разнообразное в своих проявлениях, проникло в лице Пискуна застывшей, напряженной робостью, не лишенной, однако, жалкого трепетного нахальства. Женщины не любили его, предпочитая рослых, отчаянных сорванцов, лихих в грабеже и любви.

Итак, Пискун шел через Солдатский базар.

Впереди разговаривали. Мужской голос сладко лебезил, женский лениво и задумчиво отвечал ему. Пискун, любопытный, как все воры и дети, пошел тише, бесцельно прислушиваясь к разговору.

– Пойдем, барышня, хорошо будет!.. Табак курить, пиво пить... Такой славный барышня!.. Денег дам, много денег! Барышня!..

– Отвяжись, армяшка, – сказала женщина. – Сказала, не пойду.

– Ой, какой сердитый, такой белый, красивый...

Голос мужчины, дрожавший от возбуждения, говорил Пискуну, что женщина эта может быть молода и красива. Завидуя и облизываясь, он вышел, идя вслед за парочкой, на торговую площадь.

Здесь, в темноте, на грязной пустынной мостовой блестя-

ли огни извозчичьих фаэтонов, но армянин не взял экипажа, а направился под руку со своей случайной подругой через площадь пешком к темному ряду запертых сенных лавок. В эту же сторону лежал путь вора, и Пискун все время не терял из вида развевающийся платок женщины.

Армянин остановился у железных дверей сенного магазина, отпер висячий замок, впустил спутницу и вошел сам, плотно притворив дверь. Так показалось Пискуну, но почти вслед за этим желтая полоса света вынырнула из щели, разрезав блеснувшую сырость тротуара тонкой, кривой линией. Пискун подошел ближе, слегка, медленно приоткрыл дверь и заглянул внутрь.

Кипы прессованного сена, упираясь под самый потолок,дохнули ему в лицо приятным, пряным запахом. На маленьком деревянном столе горела сальная свечка, бросая трепетные углы теней и робкого мигающего света. Вся сцена мимолетного увлечения разыгралась на глазах Пискуна, вплоть до момента расплаты.

II

В «Сорока духанах», месте, где по вечерам собирается темный городской люд, Пискун заказал порцию борща, котлеты и стакан водки. Ел он жадно и торопливо, стремясь покончить с едой, чтобы присоединиться к кружку знакомых, шепотом толковавших в углу о событиях дня и планах на бу-

дущее.

Здесь было пять человек известных и даже прославленных воров: «домушник» Глист, долговязый, серьезный парень, молчаливый и щеголеватый; «подкидчик» Буза – плотный, загорелый старик; «железнодорожник» Митя, красивый молодец, смахивающий на приказчика, и два карманщика – Рог и Жила, бывшие цирковые конюхи. Эти двое были моложе всех, безусые, с острыми, насмешливыми глазами. Все пятеро окружили стол, посередине которого стояли бутылки кахетинского и отпитые стаканы.

Пискун сел в кружок. На него почти не обратили внимания, и разговор продолжался. Буза рассказывал содержание театральной пьесы, виденной им вчера.

– Подходит к мужу жена. «Ты, говорит, ей все покупаешь, а мне рубля от тебя нет». Размахнулась – раз по щеке! И пошло у них. Я смотрю...

– Я лучше твоего театр видел, – вставил Пискун. – Иду я через базар сейчас...

– Цыц! – сказал Глист, – не перебивай. Тебя не спрашивают.

– Ну вот! – возразил задетый Пискун. – Ведь смешно, кроме шуток. Иду я через базар...

Здесь он невольно остановился, ожидая нового окрика, но Буза равнодушно посмотрел на него, процедив:

– Болтай живее!..

– Армяшка уговорил маруху к себе в магазин идти, – зато-

ропился Пискун. – В сенную. Вот театр был – посмотрел бы кто! Денег много у лешего, сам видел, в столе держит.

– Ну? – спросил Глист.

– Так, ничего... – оборвал Пискун и, подумав, прибавил: – Свести бы его снова да притемнить там.

Глист громко расхохотался. Другие поддержали его, наперебой высмеивая Пискуна. Буза презрительно хмыкнул, поглаживая бороду:

– Туда же!..

Мысль о рискованном и трудном деле, высказанная Пискуном, делала его смешным в глазах этих людей, признающих за товарищем право на свое уважение только тогда, когда у него есть прошлое. Слова, сказанные Пискуном, произнес бы на его месте всякий порядочный вор, но именно Пискуну, «шпане», не следовало «звонить» об этом, так как такое дело – не его слабых, неловких рук и трусливой башки.

III

Кто именно убил армянина – осталось неизвестным. Через три дня после упомянутого любовного приключения хозяина лавки нашли совершенно похолодевшим, с пробитой головой и вывернутыми карманами. А к Пискуну, когда он сидел в духане, подошел молчаливый Глист, оглянулся, нагнулся и сказал:

– Ты?

Пискун хлопнул глазами, спрашивая всей фигурой, в чем дело. Глист продолжал:

– Хорошо. Чисто. Никто не думал. Молчи покамест. А деньги спрячь подальше и поезжай в Энзели, я там буду.

Подошли другие и стали наперерыв доказывать Пискуну, что убил армянина он. Ошеломленный карманщик высыпал целый ворох божбы, ругательств и клятвенных уверений, но глаза собеседников восхищенно смотрели на него, удивляясь волчьей осторожности человека, известного несколько дней назад за первого «звонаря» и сплетника.

Понемногу его оставили в покое, но каждый лелеял сладкую мысль о дележе добычи и угощал Пискуна, доказывая ему свое расположение и дружбу. Это понравилось воришке, и через два дня он уже отделялся полунамеками, разыгрывая автора преступления: без нужды возвращался к убийству, делая разные предположения, и вдруг, среди разговора, круто смолкал, хватая залпом вино. Ему стало приходиться в голову, что он мог бы оборудовать это дело, и если не оборудовал, то лишь потому, что его предупредили. Сладкие минуты славы вскружили его голову, он стал глухо похвастывать, особенно пьяный и перед женщинами.

Его арестовали. На вопрос пристава:

– Ты? – Пискун, взвесив на весах сердца положение парии и героя, всеобщее снисхождение и всеобщий восторг – тихо, но внятно произнес:

– Я.